

Глава 1

Сентябрь. Город Цяньлэ.

Отголоски недавнего свирепого тайфуна всё ещё давали о себе знать. Бесконечная серая изморось плотным занавесом укрыла старый кампус средней школы Сяоцзи, отчего небо казалось совсем низким, тяжёлым, отливающим холодным цветом мокрого камня.

Под порывами ветра и секущими струями дождя вся территория старого кампуса казалась вымершей: ни души вокруг, даже вороны попрятались.

И всё же из малого актового зала, расположенного в самом сердце кампуса, доносились чистые, безупречные звуки скрипки.

В этот день здесь проходило прослушивание нового ученика.

То ли музыка была столь пленительной, то ли так сошлись звёзды, но сквозь стрельчатые окна зала пробивался тусклый луч клонящегося к закату солнца, ложась на сцену единственным светлым пятном среди полумрака.

На подмостках стоял юноша лет шестнадцати-семнадцати, увлечённо исполнявший знаменитые «24 каприса» Паганини.

Этот шедевр, требующий от исполнителя виртуозной техники и глубокого эмоционального погружения, редко выбирают для обычных прослушиваний. Смелое решение уже само по себе говорило о незаурядном таланте музыканта.

Едва раздалась первые живые, полные задора аккорды, как сидевшие в жюри преподаватели закивали в знак одобрения.

Юноша не походил на азиата: правильные, глубокие черты лица, точёный профиль. В слабом свете угасающего дня его точные, отточенные движения казались частью завораживающего представления. Время словно замерло, растворяясь в прекрасной, почти призрачной мелодии.

Члены приёмной комиссии зашептались.

У самого края длинного стола сидела Фан Тин, староста десятого «А» класса старого кампуса. Если парень справится, его зачислят именно к ней.

— Учитель, может, уже хватит? — вполголоса спросила она стоявшую рядом завуча. — Нельзя же ждать, пока он доиграет до конца. Будет... слишком поздно.

От волнения её голос слегка дрожал, но завуч расслышала каждое слово.

Завуч, робкая женщина средних лет, принимать решения в одиночку не решалась. Она нерешительно повернулась к сидевшему по правую руку директору:

— Господин директор, как думаете? Может, сразу поставим печать и примем его?

Директор промолчал, лишь утёр капли пота, выступившие на лбу, — волновался он сильнее всех в этом зале.

Завуч занервничала:

— Директор!

— Способности у мальчика выдающиеся, спору нет, — с сомнением пробормотал директор, — но вот с китайским беда. Он ведь иностранец? Не уверен, что он сможет нормально учиться...

— Да поймите же вы, у нас три семестра не было новеньких! — перебила его завуч. — Если мы сейчас упустим его, те люди заявятся с минуты на минуту и...

То ли её голос перекрыл звучание скрипки, то ли юноша просто почувствовал неладное, но смычок замер. Музыка оборвалась.

Парень слегка приподнял голову. Он всё ещё держал скрипку у плеча, но его холодный, безучастный взгляд уже медленно скользил по присутствующим.

Завуч осеклась на полуслове, а по виску директора покатилась новая капля пота.

Глаза у юноши оказались необычного, редкого цвета — левый лазурно-голубой, правый янтарно-золотой. Настоящая гетерохромия. Оттенки были не кричащими, а мягкими, пастельными, заметными лишь вблизи, но от этого пронзительного взгляда становилось не по себе. Казалось, он заглядывал в самую душу.

Лишь спустя несколько секунд завуч заставила себя натянуто улыбнуться:

— Всё хорошо? Порвалась струна?

Голос её заметно дрожал, а лицо неестественно побледнело.

— Всё в порядке, — ровно ответил Юй Шэнь, опуская инструмент. На его лице не отразилось ни единой эмоции. — Мне продолжать?

Директор уже открыл было рот, чтобы ответить, но снаружи донеслись громкие голоса и тяжёлый топот множества ног. Кто-то быстро приближался к залу.

Шум нарастал, словно в коридоре буйствовала целая толпа.

На самом деле приглушённый гул слышался и раньше, но на фоне виртуозной игры он терялся. Теперь же, когда скрипка смолкла, бесцеремонный топот заполнил всё пространство, безжалостно нарушая уединение малого зала.

Накатывала невидимая волна безумия, рвущаяся прямо сюда.

Все переглянулись. Лица учителей, за исключением Юй Шэня, мгновенно посуровели и осунулись от страха.

— Нет, не нужно! Достаточно! — директор в спешке вскочил с места и принялся лихорадочно штамповать бумаги Юй Шэня. — Прослушивание окончено. С этой секунды ты зачислен в десятый «А» класс школы Сяоцзи. Сегодня можешь быть свободен, а завтра утром староста покажет тебе...

Договорить он не успел. Старая двустворчатая дверь из тёмного дерева с грохотом распахнулась от сильного удара ноги.

В малый зал ворвались крики, хохот и шум непрекращающегося ливня. Очарование музыки мгновенно рассеялось, уступая место хаосу.

— Ой, а говорили же, что из старого кампуса сюда никто не сунется?

— Точно. Мы пока шли, ни одной живой души не встретили. Я уж думал, они сдались без боя.

— Слушай, а кто это на сцене? Ого, какой высокий. Иностранец? Или метис?

— Глядите, он без формы. Новенький, что ли?

Директор и завуч застыли как вкопанные, с бледными лицами переводя взгляды на незваных гостей.

Юй Шэнь тоже повернулся к вошедшим.

На пороге стояла толпа рослых парней. Их форма заметно отличалась от той, что директор показывал Юй Шэню во время оформления документов.

Для учеников старого кампуса шили белые пиджаки и брюки, на этих же ребятах красовались угольно-чёрные костюмы. Они ввалились шумной гурьбой, словно заполнив весь зал своей мрачной монолитной массой.

Наглость визитёров, ворвавшихся прямо во время прослушивания и ни во что не ставивших администрацию школы, вызвала у Юй Шэня лёгкое раздражение.

Ему пока не хватало знания языка, чтобы улавливать обрывки чужих фраз в общем гомоне, но интуиция подсказывала: назревают крупные неприятности.

И эти неприятности вполне могли затронуть его самого.

Чуть впереди парней в чёрном переминался с ноги на ногу подросток в обычной гражданской одежде. Было очевидно, что он здесь чужой.

Он удручённо пялился в пол, сгорбившись под насмешливыми взглядами окруживших его парней, словно побитый, затравленный пёс.

Стоило Фан Тин завидеть его, как она не выдержала и сорвалась на крик:

— Ю Сань! Я же велела тебе сегодня и носа в школу не показывать! Зачем ты пришёл?!

Ю Сань вздрогнул — то ли от испуга перед конвоирами, то ли от гневного вопля старосты, — и забормотал, запинаясь:

— Я... прости... Просто не находил себе места и...

Он мямлил что-то невнятное, но Фан Тин всё поняла без слов. Её самообладание окончательно рухнуло.

— Ю Сань! — Она рванулась к нему, готовая вцепиться в волосы. — Ты... ты что, просрал все наши жетоны?! Все до единого?!

Вожак парней в чёрном, Гао Хань, брезгливо поморщился и кивнул своим приятелям. Те быстро перехватили бьющуюся в истерике девушку.

Убедившись, что Фан Тин не сможет ударить его подопечного, Гао Хань бесцеремонно приобнял Ю Саня за плечи и с вызовом посмотрел на притихших преподавателей:

— Хороший план — приказать ученикам сидеть по домам и не высовываться. Жаль только, ваши подопечные не больно-то уважают чужие распоряжения.

С этими словами он небрежно выудил из кармана круглую пластиковую шайбу. Она была чуть крупнее обычной монеты — с чёрно-белой ребристой каемкой и алым сердцем посередине. Это был сердечный жетон.

Гао Хань расплылся в самодовольной улыбке, поигрывая пластиковым кругляком:

— И спасибо, что заранее обналичили жетоны. Сэкономили нам кучу времени на формальностях.

У директора и остальных учителей от этого зрелища подкосились колени.

Фан Тин, которой успели зажать рот, лишь глухо и яростно мычала.

— Насколько я понимаю, в закромах старого кампуса больше не осталось ни единого ценного жетона, — ядовито констатировал Гао Хань, не обращая внимания на побледневших педагогов. — Это чистая, безоговорочная победа нового кампуса. Ну что, господин директор, объявите результаты нашей маленькой войны?

Тот лишь обречённо опустил голову:

— Д-да... Всё кончено...

Гао Хань разочарованно цыкнул и лениво потянул:

— Три... два...

— Заткнись! С чего ты взял, что у нас ничего не осталось?! — Отчаянный порыв придал Фан Тин сил. Она вырвалась из рук державших её парней и заорала прямо в самодовольное лицо Гао Ханя: — У нас есть новый ученик! По правилам за него дают сто жетонов!

Она резко развернулась к сцене и указала рукой:

— Вот он, Юй Шэнь...

Но договорить не смогла. На сцене никого не было.

Лишь на пустом деревянном столе сиротливо лежала скрипка.

Свита Гао Ханя покатилась со смеху.

— Ха-ха-ха! Ты про этого смазливового метиса? — один из парней указал на приоткрытую дверь.
— Да он слился ещё пять минут назад!

Фан Тин лишилась дара речи.

— Ушёл?! — взвизгнула она. — Но мы даже не выдали ему пропуск и документы! Как он мог просто уйти?!

От её крика все невольно поморщились и прикрыли уши. Один из чернорубашечников хмыкнул:

— Да ладно тебе, умеи проигрывать достойно. К чему эта комедия?

Другой поддакнул:

— Точно. Парень только приехал, иностранец тем более. Зачем ему лезть в это болото?

Фан Тин в ярости топнула ногой.

— Ну уж нет! Я этого так не оставлю! — Она ткнула пальцем в сторону Гао Ханя. — Слышишь меня, Гао Хань? Игра ещё не окончена! Я вам эту победу на блюдечке не поднесу. Я верну его!

Тот картинно схватился за голову:

— Помилуй, Фан Тин, убавь громкость, у меня сейчас перепонки лопнут.

— И не подумаю! — Староста сообразила, что её крик — неплохое оружие, и заголосила ещё отчаяннее: — Попробуйте только объявить финал без боя, я вам весь день тут орать буду!

Видя, что девица окончательно слетела с катушек, Гао Хань вздохнул и закатил глаза:

— Ладно, ладно. Я наберу нашего старосту. Если он разрешит продлить время — будет вам раунд. Нет — извиняйте.

— Валяй, звони.

Гао Хань достал мобильный, набрал номер Лян Циншу и сразу включил громкую связь.

Вместо гудков динамик разразился тяжёлым, ритмичным скрежетом — будто гигантский молот методично крушил стальные балки. Эта давящая на уши мелодия тянулась мучительно

долго, заставляя сердца присутствующих сжиматься от дурного предчувствия.

— Уж извините, — ухмыльнулся Гао Хань, — наш староста обожает «Молот без хозяина».

Фан Тин лишь угрюмо молчала, стиснув зубы.

Наконец на том конце провода сняли трубку.

Сквозь лёгкий шорох дождя послышался мягкий, чистый голос:

— Слушаю, Гао Хань. Что случилось?

От этого вкрадчивого тона у Гао Ханя внутри всё похолодело.

«Конец мне, — обречённо подумал он. — Староста явно не в духе».

Голос принадлежал Лян Циншу. Человеку непосвящённому он мог показаться вежливым и мягким, располагающим к приятной беседе. Но те, кто знал Циншу давно, безошибочно различали за этой маской ледяное высокомерие и глубокое, абсолютное презрение ко всем вокруг.

Сбавив тон, Гао Хань торопливо и предельно вежливо изложил суть дела.

Когда он замолчал, в трубке повисла тишина. Ожидание затягивалось, и воздух в актовом зале сделался ещё более спёртым.

— Почему бы и нет, — наконец отозвался Лян Циншу. В его голосе проскользнули игривые, предвкушающие нотки. — Лишняя сотня жетонов всё равно не изменит финал. Пусть у ребят будет иллюзия честной борьбы. Разве это плохо?

Гао Хань незаметно перевёл дыхание.

Убрав телефон в карман, он победоносно взглянул на старосту:

— Ну что, Фан Тин, слышала? Наш босс не против. Даём тебе ровно десять минут. Если успеешь вернуть новенького — сыграем ещё раз. Не успеешь — пеняй на себя.

Девушка решительно кивнула:

— Договорились.

Махнув Ю Саню, она бросилась к выходу. Тот послушно побежал следом. Десять минут — ничтожно мало, оставалось уповать лишь на случай.

На самом деле Юй Шэнь ушёл недалеко. Помешала банальная причина — разразившаяся на улице буря.

За годы, проведённые в Чикаго, он привык не обращать внимания на мелкую изморось и никогда не носил с собой зонт. Но местный климат преподнёс сюрприз: после полудня небо прорвало окончательно, и на город обрушился настоящий тропический ливень.

Сейчас пределом его возможностей было добежать под навесом от одного крыла здания до другого.

Плотная стена воды отрезала его от остального мира, превратив всё вокруг в сплошное серое море. Сквозь эту пелену невозможно было разглядеть даже соседние корпуса.

Юй Шэнь подумал было вернуться в сухой зал, но вовремя остановился.

На пластиковом кругляке, которым хвастался Гао Хань, он разглядел знакомую маркировку. Подобные жетоны используют в казино Лас-Вегаса — номинал каждой равен десяти тысячам долларов. Игры с подобными яркими безделушками никогда не доводили до добра.

Юй Шэнь терпеть не мог ввязываться в чужие авантюры, да и языковой барьер не способствовал общению. Едва завидев этот жетон, он мысленно вычеркнул школу Сяоцзи из списка возможных вариантов обучения.

Документы всё равно ещё не оформлены окончательно. Потеря спонсорского взноса его не волновала, так что можно было уйти по-английски, избавив себя от лишней бумажной волокиты.

Он уже достал телефон, собираясь вызвать такси, как вдруг едва не столкнулся с кем-то лицом к лицу.

Юй Шэнь вежливо отступил на шаг назад и опустил взгляд.

Перед ним стоял парень в безупречно отглаженной чёрной школьной форме. Как и большинство азиатов, он был на полголовы ниже Юй Шэня.

Угольный пиджак, тёмные брюки и плотная серо-чёрная накидка с высоким воротником — незнакомец казался воплощением мрачной, строгой элегантности.

Впрочем, столь аскетичный наряд ничуть не портил его. Напротив, тёмные тона выгодно подчёркивали удивительно тонкие, почти кукольные черты лица. Маленькая аккуратная родинка у внешнего уголка левого глаза придавала его облику особое, капризное очарование.

Лениво стряхивая капли с закрытого зонта, он даже не смотрел на Юй Шэня. Его голос звучал на удивление обыденно, словно они случайно встретились на прогулке:

— Добрый день. Ну как, понравилась наша школа?

Юй Шэнь несколько секунд молча разглядывал эмблему на его чёрном лацкане, после чего равнодушно бросил:

— Никто не успел мне её показать. Ваша школа погрязла в проблемах.

— А у тебя неплохой китайский, — проигнорировав выпад, парень наконец поднял на него глаза. В глубине его тёмных зрачков сквозила холодная усмешка. — Я Лян Циншу. Из какой ты страны? Странно, что никто не соизволил встретить гостя. Не слишком гостеприимно с их стороны.

Юй Шэнь слегка нахмурился.

Интуиция редко подводила его. Не нужно было быть психологом, чтобы понять: этот холёный парень, стоящий напротив...

...ненавидел его всей душой.

Каждое его слово, каждый жест и сам взгляд так и лучились едва скрываемой, ядовитой враждебностью.

<http://bllate.org/book/19712/2000754>